

Содержание

Дух мадам Краул. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	3
Баронет и привидение. <i>Перевод Е. Токаревой</i>	23
Чейплизодские истории о привидениях. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	213
Деревенский задира	216
Случай с церковным сторожем	223
Призрачные любовники	233
Живописец Шалкен. <i>Перевод Е. Токаревой</i>	250
Отчет о странных событиях на Онжье-стрит. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	279
Ултор Де Лейси. Легенда Капперкуллена. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	309
Подлинная история дома с привидениями. <i>Перевод Е. Токаревой</i>	345
Беспутный капитан Уолшо из Уолинга	364
Завещание сквайра Тоби. <i>Перевод Е. Токаревой</i>	384
Белая кошка из Драмганниола. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	430

Дух мадам Краул

Нынче я уже старуха, а к тому дню, когда меня привезли в Эпплуэйл-Хаус, мне не сравнялось еще и четырнадцати. Моя тетка служила там экономкой, и в Лексхо прислали лошадь с коляской, чтобы отвезти меня и мой сундучок в Эпплуэйл.

Мне сделалось немножечко боязно еще по дороге в Лексхо, а стоило мне увидеть коляску и лошадь, как тут же захотелось обратно к маме, в Хейзелден. Когда я влезала в «возок» (так мы называли коляску), слезы у меня потекли ручьем, и старый Джон Малбери, который правил лошадью, купил мне в утешение — добрая душа — несколько яблок в «Золотом льве» и еще сказал, что в большом доме есть пирог с корицей, и чай, и свиные отбивные — все это стоит горячее у тетушки в комнате и ждет меня не дожидаясь. Ночь была лунная, красивая; я ела яблоки и выглядывала в окошко возка.

Стыд и срам, когда джентльмены страшат маленькую глупышку, какой я тогда была. Иной раз мне сдается, что они надо мной смеялись. Их сидело двое в почтовой карете позади меня. И они давай меня расспрашивать (а ночь уже настала, и взошла луна), куда это я еду. Я и рассказала им, что соби-

раюсь прислуживать госпоже Арабелле Краул в Эпплуэйл-Хаус, под Лексхо.

— А, ну тогда долго ты там не задержишься! — говорит один из них.

И я удивленно на него вылупилась, желая спросить: «Это еще почему?»; я ведь докладывала им, куда еду, с умным видом и задравши нос.

— Дело вот в чем... — продолжает джентльмен, — но только ты ни за что на свете никому об этом не говори, лишь поглядывай за ней да примечай; дело в том, что в нее вселился дьявол; она и сама больше чем наполовину дух. У тебя Библия есть?

— Да, сэр, — говорю. (Потому что матушка сунула мне в сундучок маленькую Библию и я знала, что книга там; между прочим, она и сейчас у меня в шкафу, хотя буквы в ней чересчур маленькие для моих старых глаз.)

Когда я при словах «Да, сэр» на него взглянула, то он как будто бы подморгнул своему приятелю, но, может, мне и почудилось.

— Хорошо, — говорит джентльмен, — не забывай класть ее на ночь под подушку, и тогда старуха до тебя не доберется.

Какой тут на меня напал страх, вообразите сами! Мне хотелось многое у него выспросить про старую леди, но я слишком робела, а они с приятелем стали толковать про свое, и сошла я в Лексхо, как я уже рассказывала, не зная, что и думать. Когда мы въехали в темную аллею, душа у меня ушла в пятки. Деревья там росли густые-прегустые, большие и почти такие же старые, как дом, и четверо человек стояли, держась за вытянутые руки, а одежды кое на ком из них — кот наплакал.

Я высунулась из окошка и вытянула шею, чтобы получше рассмотреть большой дом, и сама не заметила, как мы очутились у крыльца.

Дом этот просторный, черно-белый, со здоровенными черными балками наискосок и стоймя; его белые, как простыни, фронтоны смотрели прямо на луну, и на фасад падали тени двух-трех деревьев — такие четкие, что можно было сосчитать каждый листочек, и на всей передней части дома одно лишь окно большого холла сверкало множеством фигурных стеклышек, а на все остальные окна были по-старинному навешены наружные ставни, заключенные крест-накрест; это потому, что в доме кроме старой хозяйки жили еще всего трое или четверо слуг и больше половины комнат пустовало.

Как подумала я, что вот и кончилась поездка, что стою я уже перед господским домом и где-то поблизости тетка, которой я никогда не видела, а с ней и хозяйка, мадам Краул, незнакомая, но уже такая страшная, и сердце у меня перевернулось.

Тетушка поцеловала меня в холле и повела к себе. Была она высокая и худая, лицо бледное, глаза черные, на длинных тонких руках черные митенки. Ей шел шестой десяток, и слов зря она не тратила, но каждое ее слово было закон. Жаловаться не на что, но женщина она была строгая, и сдается мне: приходится я ей племянницей по сестре, а не по брату, она была бы со мной ласковее. Правда, что сейчас об этом говорить.

Сквайр — звали его мистер Чивни Краул, и был он внуком мадам Краул — заявлялся туда раза два или три в год — только присмотреть, чтобы старую леди обихаживали как полагается. За все время я видела его в Эпплуэйл-Хаус всего лишь дважды.

И несмотря ни на что, уход за ней был хороший, и благодарить за это нужно мою тетушку и миссис Уайверн, горничную, — они долг свой знали и служили на совесть.

Миссис Уайверн (обращаясь к ней, тетушка говорила «Мэг Уайверн», а мне про нее — «миссис Уайверн») была женщина пятидесяти лет, толстая и веселая, солидная что ростом, что обхватом, никогда не сердилась и ходила черепашьям шагом. Жалованье она получала хорошее, но тратиться не очень любила; тонкое белье она держала под замком и носила обычно хлопковую саржу шоколадного цвета с рисунком из красных, желтых и зеленых веточек и горошин, и служило это платье на удивление долго.

Она ни разу мне ничего не подарила — ни на медный грош, — но была добра и всегда смеялась, за чаем болтала без умолку одно и то же; когда она видела, что я приуныла или растерялась, она развлекала меня шутками и историями, и мне кажется, я любила ее больше, чем тетушку, — ведь дети падки до забав и сказок, а тетушка хотя и сделала мне много добра, но все же кое в чем бывала строга и вечно молчала.

Тетушка отвела меня к себе в спальню, чтобы я немного отдохнула, пока она будет готовить чай. Но прежде она похлопала меня по плечу и сказала, что я высокая девочка для своих лет и здорово вымахала, и спросила, умею ли я шить и вышивать, и, взглядевшись мне в лицо, сказала, что я похожа на своего отца, ее брата, который умер и погребен, и она надеется, что я добрая христианка, не то что он, и умею вести себя как подобает.

И я подумала, что, с тех пор как я вошла к ней в комнату, впервые слышу от нее недобрые слова.

А когда я перешла из спальни в комнату экономки, такую уютную, сплошь в дубовых панелях, в камине вовсю полыхали угли, и торф, и поленья — всё вместе, а на столе стоял чай, и горячие пирожки, и мясо, от которого поднимался дымок; там же сидела миссис Уайверн, толстая и веселая, и рот у нее не закрывался — за час она успевала сказать больше слов, чем тетушка за год.

Я еще пила чай, когда тетушка поднялась наверх проведать мадам Краул.

— Она пошла взглянуть, не задремала ли старая Джудит Сквейлз, — молвила миссис Уайверн. — Джудит сидит с мадам Краул, когда мы с миссис Шаттерз (так звали мою тетушку) обе отлучаемся. Со старой леди хлопот не оберешься. Тебе придется смотреть в оба, а то она или свалится в огонь, или выпадет из окошка. Она вся как на иголках, даром что старуха.

— А сколько ей лет, мэм? — спросила я.

— Девяносто три года сравнялось, и еще восемь месяцев, — говорит миссис Уайверн со смехом. — И не спрашивай о ней при тетушке... имей в виду; довольно с тебя того, что сама увидишь, вот и все.

— А что мне придется для нее делать — будьте добры, мэм? — спрашиваю.

— Для старой леди? Это тебе объяснит твоя тетя, миссис Шаттерз, но я так понимаю, что тебе придется сидеть с шитьем у нее в комнате и следить, как бы со старой леди чего-нибудь не приключилось и чтобы она забавлялась своими вещичками за столом; еще нужно будет, если она пожелает, приносить ей еду или питье, и смотреть, чтобы чего не стряслось, и звонить в колокольчик, если она закапризничает.

— Она глухая, мэм?

— Нет, она и слышит, и видит на три аршина под землей, но она совсем того и не в ладах с памятью; ей что Джек Истребитель Великанов или Матушка Паратуфель, что королевский двор или государственные дела — все едино.

— А почему, мэм, ушла та девочка, которая нянялась в пятницу? Тетя писала моей матушке, что ей пришлось уйти.

— Да, она ушла.

— А почему? — повторила я.

— Миссис Шаттерз она не устроила, так я понимаю, — отвечала миссис Уайверн. — Не знаю. Болтай поменьше, твоя тетя не выносит болтливых детей.

— Пожалуйста, мэм, скажите, как здоровье у старой леди?

— Ну, об этом спросить можно. Давеча немного раскисла, но на этой неделе ей получше; верно, до ста лет дотянет. Тсс! Вот и тетя твоя идет по коридору.

Вошла тетушка и начала говорить с миссис Уайверн, а я, привыкнув немного и освоившись, стала ходить туда-сюда по комнате и рассматривать вещи. На буфете стояли красивые старинные безделушки из фарфора, на стене висели картины; прямо в стенной панели я увидела открытую дверцу, а за ней — старинный кожаный камзол, и такой чудной: с ремешками и пряжками и с рукавами длинной с кроватный столбик.

— Что ты там делаешь, детка? — вдруг строго спросила тетушка, когда мне казалось, что она обо мне и думать забыла. — Что это у тебя в руках?

— Это, мэм? — Я оборотилась, не выпуская камзола. — Знать не знаю, мэм, что это такое.

Бледное тетино лицо покраснелось, а глаза за- сверкали от злости, и я подумала, что, если бы нас не разделяло несколько шагов, она бы дала мне оплеуху. Но она только встряхнула меня за плечо, вырвала камзол у меня из рук, сказала: «Никогда не смей в этом доме трогать то, что тебе не принадлежит!», повесила камзол обратно на гвоздь, захлопнула дверцу и заперла ее на ключ.

Миссис Уайверн тем временем как ни в чем не бывало сидела в кресле и смеялась, всплескивая руками и слегка раскачиваясь, — как всегда, когда дурачилась.

У меня на глазах выступили слезы, и миссис Уайверн (которая тоже прослезилась, но от смеха) сделала знак тетке. «Ну-ну, девочка не хотела ничего дурного... иди ко мне, детка. Это всего-навсего тепа для недотепы; и не задавай лишних вопросов, чтобы нам не приходилось врать. Сядь-ка сюда и выпей кружку пива, а потом ступай в постель».

Моя комната была наверху, по соседству со спальней старой леди, где стояли рядом кровати ее и миссис Уайверн, а я должна была откликаться на зов, если что-нибудь понадобится.

Старая леди в тот вечер была снова не в себе — еще с середины дня. На нее находил, бывало, сердитый стих. То, случалось, она не дает себя одеть, то раздеть. В былые дни, говорили, она была красавицей. Но ни в Эпплуэйле, ни поблизости некому было уже помнить пору ее расцвета. А наряжаться она любила до ужаса; толстых шелков, тугого атласа, бархата, кружев и прочего добра у нее

хватило бы на семь лавок. Все ее платья были немодные и смешные, но стоили целое состояние.

Ну ладно, отправилась я в постель. Я долго лежала без сна, потому что все вокруг было мне в новинку; опять же и чай, сдается, разбудоражил меня с непривычки: раньше я пила его только по праздникам. В соседней комнате заговорила миссис Уайверн, и я поднесла ладошку к уху и стала прислушиваться, но голоса мадам Краул так и не различила — она, наверное, все время молчала.

Ухаживали за ней со всем старанием. Слуги в Эпплуэйле знали, что, когда она умрет, их всех до одного рассчитают, а работа здесь была немудреная и жалованье хорошее.

Доктор приходил к старой леди дважды в неделю, и, уж будьте уверены, что он велел, то слуги исполняли в точности. И каждый раз он повторял одно: нипочем ей не перечесть, а, наоборот, ублажать и во всем потакать.

И вот она пролежала одетая всю ночь и следующий день и не пожелала рта раскрыть, а я с утра до вечера сидела за шитьем у себя в комнате, только спускалась пообедать.

Я не прочь была поглядеть на старую леди и даже послушать, что она скажет, но ничего не получилось; что она здесь, что где-нибудь в Ланноне — никакой разницы.

После обеда тетушка послала меня на часок прогуляться. Я была рада вернуться обратно: деревья росли вокруг такие большие, вокруг было темно и пусто, небо затянуло тучами, я ходила одна, вспоминала дом и лила слезы. В тот вечер я сидела при свечах у себя, дверь в комнату мадам Краул была открыта, и за старой леди присматривала моя те-

тушка. И тут я в первый раз услышала, как мне кажется, голос старой леди.

Это были какие-то диковинные звуки — уж не знаю, с чем их и сравнить, то ли с чириканьем, то ли с мычанием, — но очень тоненькие и тихие.

Я всю навострила слух. Но ни слова было не разобрать. И тетка моя ответила:

— Нечистый никому ничего не сделает, если только Господь не попустит.

Тогда тот же чудной голос из кровати произнес еще несколько слов — я не уразумела каких.

И тетушка опять ответила:

— Пусть себе строят рожи, мэм, и говорят что им вздумается; если Господь Бог за нас, кто нас тронет?

Я слушала, вытянув шею и затаив дыхание, но больше ни слова и ни звука из спальни не донеслось. Прошло минут двадцать, я сидела за столом и рассматривала картинки в старых баснях Эзопа, и тут у входа что-то задвигалось; я подняла голову и увидела, что в дверь, делая знаки рукой, заглядывает тетушка.

— Тс-с! — произнесла она чуть слышно, подошла на цыпочках и прошептала: — Слава богу, она наконец заснула; сиди тихо, как мышка, я сойду вниз выпить чашку чаю и живо вернусь вместе с миссис Уайверн — она будет спать в комнате мадам; а ты, когда мы поднимемся, ступай бегом вниз, в мою комнату: Джудит принесет тебе туда ужин.

С этими словами она ушла.

Я, как прежде, смотрела книжку с картинками и временами прислушивалась, но не различала не то что шороха, но даже дыхания, и, чтобы было не так боязно одной в большой комнате, принялась

